
УДК 94 (470.4) «18/19»
ББК 63.3(235.54)-282.4
Г 15

Л.Н. Галимова,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, тел. 8 960 379 25 88

Деятельность провинциальных купцов Поволжья в составе земских учреждений в середине XIX — начале XX в.

(Рецензирована)

Аннотация. Общественная активность купцов, кроме благотворительности и службы в органах местного самоуправления, привлекла и земства. В пореформенный период изменился состав земских учреждений в пользу купечества. Статья раскрывает результаты деятельности в земских учреждениях купечества на пользу не только торговли и промышленности, но и на благо России в целом.

Ключевые слова: купечество, провинция, земство, общественная деятельность.

L.N. Galimova,

Candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Social and Economic Disciplines of Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, ph. 8 960 379 25 88

Activity of provincial merchants of the Volga region belonging to zemstvo institutions in the middle of the 19th — beginning of the 20th century

Abstract. Public activity of merchants, except charity and service in local governments, has involved also a zemstvo. In the post-reform period, the structure of zemstvo institutions has changed in favor of merchant class. This work shows the results of activity of merchant class in zemstvo institutions for advantage not only of trade and the industry, but also for the blessing of Russia.

Keywords: merchant class, a province, zemstvo, public work.

После реформы 1864 г. ещё одной сферой купеческой общественной активности, кроме благотворительности и службы в органах местного самоуправления, стало земство. Именно работа в земских учреждениях стала для купечества желанной.

Земская служба стала носить государственный характер [1]. Признание за земскими учреждениями характера государственных повлекло за собой изменения в статусе выборных земских должностных лиц.

В составе земских учреждений было много купцов, которые наряду со своими товарищами — представи-

телями других сословий занимались сбором земских повинностей, денежными и натуральными; организовывали попечение о народном образовании, осуществляли устройство и содержание училищ и иных учебных учреждений, оказывали содействие всем видам внешкольного образования; реализовывали попечение о народном здравии, реализовывали устройство и содержание лечебных заведений (больниц, амбулаторий, аптек и т.д.); оказывали юридическую помощь населению; организовывали охрану общественного порядка и безопасности; контролировали исполнение государственных и земских

повинностей, а также законных распоряжений как правительственных, так и общественных учреждений и т.д. [2]

Купцы составляли достаточно зна-

чительный процент гласных в земских собраниях. Обратимся к сословному составу участников земских собраний в Симбирской губернии (Таблица 1).

Таблица 1.

**Социальный состав губернских земских собраний
в первое трёхлетие их функционирования [3].**

Сословия	Самарское	Саратовское	Симбирское
Дворяне	48 (70,5%)	54 (62,79%)	47 (74, 68%)
Духовенство		4 (8,15%)	1 (1,58%)
Купечество	7 (10,2%)	12 (13,95%)	5 (7,89%)
Почетные граждане			1 (1,58%)
Мещане	2 (3,2%)		1 (1,58%)
Крестьяне	11 (16,1%)	13 или 15,11%	8 (12, 69%)

Купцы в состав губернского и уездных земств проходили, как правило, по первой или второй курии, так как имущественный ценз для первой курии был определён величиной, составлявшей не менее 200 десятин земли или владение недвижимым имуществом стоимостью не менее 15000 руб. К тому же богоугодные, благотворительные, учебные, промышленные общества, компании и товарищества могли выбирать уполномоченных для участия в выборах на особых предварительных съездах. При этом максимальное количество голосов равнялось двум: «один голос по личному праву, второй — по доверенности или уполномочию» [3]. Поэтому очень богатому купцу, если только он захотел бы попасть в состав гласных земств, труда бы особого это не составило.

Законы были составлены таким образом, что избирателями второй, так называемой городской, курии становились обладатели купеческих свидетельств, владельцы находящихся на городской земле фабрик и других промышленных или торговых заведений, годовой оборот производства которых составлял не менее 6000 руб. в год, а также владельцы недвижимой собственности, оцененной в сумме от 500 (для городских поселений с населением менее 2000 жителей) до 3000 (для городских поселений с населением более 10000 жителей) руб. [4].

Согласно статистическим данным, за первое трёхлетие по введению зем-

ства в среднем по России избранные гласные в сословном отношении распределились следующим образом: дворяне — 74%, крестьяне — 10%, духовенство — 1%, прочие — 15% [5]. Сопоставив эти данные, можно сделать вывод, что в сословном отношении Симбирское губернское земское собрание соответствовало средним российским показателям. Налицо абсолютное преобладание дворян. В Саратовском земстве дворяне также доминировали, но при этом был высок процент крестьян и духовенства.

До 1890 г. дворяне будут доминировать в земских собраниях. Одновременно с этим можно выделить ещё одну тенденцию конца 60 — первой половины 70-х гг. XIX века: постепенное усиление купеческого представительства. Например, в Симбирском земском собрании к 4-му трёхлетию их количество увеличилось в 2 раза и достигло 10 человек. Абсолютное большинство купцов (5 человек) — гласные от Сызранского уезда, что не было случайным, уезд славился своим торговым промыслом [6].

В 1871 г. в Симбирское губернское земское собрание на третье трехлетие были избраны одиннадцать человек гласных и три заместителя (кандидата), на случай отказа занять должность и других непредвиденных ситуаций. В их числе оказались купцы П.А. Егоров, В.И. Андреев, В.А. Чебоксаров, Д.М. Карташев, И.С. Репьев П.А. Теняев, А.Д. Сачков, Х.С. Акчурин [7].

На следующее трехлетие избранными оказались те же лица [8], но одновременно они же и (или) их ближайшие родственники были избраны в гласные Симбирской городской думы. В списках гласных Симбирской городской думы оказались купцы Ф.Е. Егоров, Д.М. Карташев, П.А. Теняев, А.П. Кирпичников, И.С. Репьев, А.Д. Сачков, Н.А. Чебоксаров, М.В. Андреев [9]. При этом Д.М. Карташев и П.А. Теняев были избраны членами городской управы, а остальные и в дальнейшем активно участвовали в городском общественном самоуправлении. Избранные в 1873 г. в уездном городе Карсуне городской голова, купец второй гильдии, В.Н. Романов и купец второй гильдии И.А. Базанов, его заместитель (заступающий на место городского головы), состояли гласными Карсунского уездного земского собрания с 1871 г. [10]

Большинство из этих общественных деятелей были крупнейшими предпринимателями и землевладельцами губернии. Купец А.Д. Сачков владел около 8500 десятинами земли в Симбирском, Ставропольском и Карсунском уездах, семье Акчуриных принадлежал целый ряд суконных фабрик, а также свыше 4 тысяч десятин земли в Сенгилеевском, Сызранском и Карсунском уездах Симбирской губернии [11]. Подобную ситуацию можно было наблюдать и в 80-е гг. XIX века: в составе практически всех уездных земств были купцы, которые одновременно являлись гласными городских дум. При этом А.Д. Сачков в 1887 г. был гласным не только Симбирской городской думы и Симбирского уездного земского собрания, но и гласным Карсунского уездного земского собрания [12].

Следует отметить одну интересную тенденцию. Если доля купцов в составе органов городского управления неуклонно увеличивалась, то в составе земских учреждений — неуклонно снижалась, а большинство мест гласных занимали дворяне. Особенно это было свойственно Симбирской губернии, где дворяне усиливали своё представительство за счёт «купеческих мест». Например, в Симбирской губернии был

поставлен своеобразный рекорд, в губернское земское собрание на 6-е трёхлетие было выбрано 59 дворян (93,6% от общего числа гласных), затем эта цифра сократилась до 54 мест (85,7%) [13]. К концу 80-х — началу 90-х гг. XIX века купцов среди гласных Симбирского губернского собрания не осталось. Они окончательно передали свои функции либеральному дворянству [14].

Подобная тенденция была свойственна и Самарской губернии, хотя там дворянство не занимало столь лидирующих позиций, как в Симбирской, а за купцами строго сохранялось в пределах 10% общего числа мест гласных в земских учреждениях. Например, в 1867 г. социальный состав Самарского губернского собрания выглядел следующим образом: 48 (70,5%) дворян, 11 (16,1%) крестьян, 7 (10,2%) купцов, 2 (3,2%) мещанина [15]. К 1889 году ситуация изменилась не очень существенно, количество гласных от дворян даже сократилось, но в губернское собрание вошли представители городской буржуазии (мы знаем, что многие представители купечества нередко причисляли себя к другим сословиям). Социальный состав губернского земского собрания выглядел следующим образом: 47 (69,1%) дворян, 11 (16,1%) крестьян, 5 (7,3%) купцов, 3 (4,4%) мещанина, 1 (1,55%) поселянин и 1 (1,55%) потомственный гражданин [16]. Торговлей и промыслами из них занимались больше 40%.

В принципе, примерно подобное процентное соотношение различных сословий в составе земских учреждений сохранялось и в последующее время. По данным на 1892 г. сословная принадлежность Самарского губернского земского собрания была следующей: 33 дворянина (82,5%), 3 купца (7,5%), 1 мещанин (2,5%), 1 потомственный гражданин (2,5%), 2 крестьянина (5%) [17]. В 1897 г. сословная принадлежность губернских гласных на российском уровне выглядела следующим образом: дворяне и чиновники составляли 89,5% гласных, разночинцы — 8,7%, крестьяне — 1,8% [18].

«Положение» 1890 г. изменило характер земского самоуправления, служба в земских управах приобрела характер государственной. Члены земских управ считались состоящими на государственной службе. Это положение усилило интерес купечества к земской деятельности.

Чем же занимались купцы, состоящие в губернских и уездных земствах? Конечно, в первую очередь, они лоббировали свои торгово-промышленные интересы. Так купцы-земцы призвали обкладывать все недвижимое имущество сбором в 3%, при этом не сосредотачиваясь исключительно на имуществе купцов и других предпринимателей. В Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях за период с 1901-1916 гг. было зафиксировано ежегодное рассмотрение подобных дел в губернских присутствиях. И если уездные земства как-то старались приблизиться к 3% росту сборов с недвижимых имуществ, то губернские старались доказать «действительную необходимость подобной сметной величины» и оперировали к губернатору, чтобы тот признал данный факт. Если говорить о величине превышения предельности обложения, то в Симбирской губернии она колебалась от 51,92 рубля [19] до 16 107,87 рубля [20], в Самарской губернии максимальная величина предельности обложения составляла 23 451 рубль [21], а в Саратовской — 27 456 рублей [22]. При этом и губернская администрация и присутствия предлагали земствам пути решения в сложившейся ситуации: сложение недоимок за несколько лет, поощрение строительства, отказ от некоторых «второстепенных расходов» [23].

Купцы старались войти в земские комиссии по начислению земских сборов и определению их размера. После окончательного утверждения земских смет на их основании составлялась земская роспись, которая содержала краткое исчисление земских потребностей губернии или уезда и источников их удовлетворения. Земская роспись в отличие от смет и раскладки составлялась земским собранием и содержала две части: роспись денежных расходов

и доходов земства и роспись натуральных земских потребностей.

Однако нельзя однозначно сказать, что купцы, даже члены губернского и уездных земств, с радостью платили земские налоги. Голосуя за их принятие на земских собраниях, когда касалось их, стремились всячески от них уклоняться. В 70-е гг. XIX века земства Симбирской губернии обложили питейные заведения вне городов земским налогом в 3,90 руб. [24]. При этом владельцы заведений не выплачивали этот налог в течение нескольких лет подряд. Например, симбирский купец I-ой гильдии Сачков А. Д., даже будучи членом губернского земства, выплачивал налог частично, поэтому к 1875 г. за ним числилась недоимка в размере 9,50 руб. [25].

Важным направлением была работа о подготовке квалифицированных кадров для промышленных и торговых предприятий крупных купцов путем выделения специальных стипендий. Обычно купцы ходатайствовали об открытии новых учебных заведений нужной им направленности, ходатайствовали о выделении специальных стипендий для обучения в высших учебных заведениях. Причем для того, чтобы активизировать эти процессы, с легкостью выделяли на эти цели свои собственные средства.

Так, по ходатайству купцов Симбирское губернское земство содержало стипендиатов в медицинской академии, в Казанском институте. Часть стипендий оплачивали купцы. Когда в губернии начался промышленный бум, по ходатайству купцов Акчурина и Шатрова в конце 70 г.г. XIX в. Симбирское земство выделило специальные средства на устройство обучения ремеслу при лучших сельских школах, так как суконные фабрики, составлявшие основу симбирской промышленности, размещались именно в сельской местности [26].

В Саратовской губернии, наоборот, в основном развивалось машиностроение и металлообработка. Поэтому, нуждаясь в технологических и инженерных кадрах, саратовские купцы

посредством своего губернского земства, где они состояли гласными, провели решение об учреждении одной стипендии при Московском государственном университете, а в 1874 году провели решение о выделении земских средств для обучения мальчиков кузнечному ремеслу. В этот проект были вложены и купеческие деньги, так как они знали, что эти средства обязательно окупятся [27].

В Симбирске в 1904 году именно симбирские купцы, гласные губернского и уездных земств, подняли вопрос о необходимости введения всеобщего начального образования в Симбирской губернии, так как понимали его значение для развития промышленности в крае [28].

Купцы-земцы активнейшее участие принимали в сборе земских статистических сведений, где они возглавляли эти комиссии. В Самарской, Симбирской, Саратовской губерниях земскую статистику возглавляли, как правило, выходцы из купеческого сословия [29]. Земская статистика развивалась относительно самостоятельно и свободно, без особого вмешательства правительственных органов. В течение первых 20 лет своего существования земские статистические органы занимались изучением крестьянских хозяйств. Оценочные законы в основу оценки клали доходность земли. Этот принцип требовал широких экономических исследований для выяснения уровня доходности и факторов, ее определяющих. Учитывались экономические факторы (рабочее население, землепользование, техника, продукция, ее сбыт, близость рынков и др.) и естественные (почва, климат и др.). Земские статистические исследования более позднего периода выработали единый тип исследования промышленности, финансовой сферы, экономики и быта крестьянства, промысловой деятельности населения, урожайности и плодородия почв, здравоохранения и народного просвещения.

Купцы- члены губернского и уездных земств оказывали значительную помощь в начислении земского сбора с недвижимых имуществ предприни-

мательского назначения: с помещений заводских, фабричных и торгово-промышленных. В соответствии с законом при обложении фабричных, заводских, торговых и других предприятий в расчет принималась только стоимость помещений и оборудования. А определить доходность предприятий по закону было очень сложно: принимаемые в расчет помещения и оборудование могли свидетельствовать лишь об относительной доходности. Кроме того, множество мелких предприятий, таких как мельницы, круподранки, маслобойни, которых, например, в Симбирской губернии насчитывалось 8516, действовали непостоянно. Они работали короткое время, зависели от урожая, ветра, наплыва покупателей и других переменных факторов. Поэтому для каждого такого предприятия должна была производиться отдельная оценка. А здесь купцы с их экономическим опытом были незаменимы.

В Симбирском уезде Симбирской губернии практиковалась подобная оценка каждого предприятия. В 1875 г. купцы-члены уездной управы оценили все водяные и ветряные мельницы, обдирки, маслобойни и красильни. Совокупный доход оценённых объектов в земский бюджет составил 236,57 руб. При этом члены управы во время оценочных работ израсходовали около 130 руб. [30]. Уездное собрание приняло доклад управы по данному вопросу и постановило, что «подобная практика крайне обременительна для земства», и постановило определять доходность каждого предприятия по одному типичному заведению из каждой группы [31]. Подобная практика оценок предприятий стала свойственна всем земствам Симбирской губернии. Доходы с помещений заводских, фабричных и торгово-промышленных для земского бюджета первоначально были незначительными. В 1867 г. они не превышали 1,2% от совокупного земского бюджета. К 1887 г. эта величина выросла и составила в среднем по Симбирской губернии на 14,077%. Наибольший прирост наблюдался в Сенгилеевском уезде, наименьший — в Карсунском [32].

В Саратовской, а позже и в Самарской губерниях за доходность промышленных заведений, винокуренных, медоваренных и пивоваренных заводов принимали арендную плату, где её не существовало, уездные управы нанимали экспертов-оценщиков. При этом заведения, приносящие доход менее 50 руб. в год, не включались в ценность имуществ уезда. А доходность исчислялась из расчёта 10% капитализации предприятия [33].

Несколько слов следует сказать о не менее важной доходной статье земского бюджета: сбору с торгово-промышленных документов с гильдейских свидетельств, с патентов и прочих документов. Земские сборы с промысловых свидетельств не должны были превышать 10-15% их цены. Сбор с патентов был установлен в размере 25%, трактирный сбор составлял определённый оклад в 15, 30 и 60 руб. с каждого заведения [34].

В начале XX века в Симбирской губернии происходило незначительное увеличение сумм поступлений с торгово-промышленных документов. Так, в 1906г. они составляли 35 900, 37 руб. [35]; в 1908г. — 38 400, 07 руб. [36].; в 1913г. сборы с торгово-промышленных документов составляли 39 600, 42 руб. [37]; в 1915г. — 41 500, 36 руб. [38]. За данный период увеличение сбора с торгово-промышленных документов в бюджете губернских земств колебалось от 3% до 6%. А сумма поступлений с документов на право торговли и промыслов в среднем составляла 2,7% до-

ходной части земского бюджета. В Самарском земстве процесс увеличения сбора с торговых документов возобновился только в 1912 г., в этом году он составил 42768,48 руб. и продолжался вплоть до 1917 г. [39]. В уездных земствах данная статья дохода была ещё менее выразительной. Например, в уездах Симбирской губернии, она колебалась в пределах от 791 руб., в Алатырском уезде до 6500 руб. [40]. В целом же поступления от документов на право торговли и промыслов занимали скромное место в земском бюджете. Они возрастали в абсолютном выражении, но их относительное значение постоянно уменьшалось.

В 1888 г. Буинским земством было отказано купцу Ашмарину Я.И. в его просьбе снизить земский сбор с его лавки с мануфактурным товаром, которая, по его разумению, была скорее похожа на «лабаз». Земское собрание отказало в данной просьбе ввиду того, что «лавка находится на единственно бойком месте торговли в городе» [42].

В Саратовской губернии вопрос об обложении промышленных объектов по доходности был поднят на заседании уездных и губернского земских собраний ещё в 1866 г. Но гласные пришли к заключению, что «применение доходного налога к одним только торговому и фабричному производствам не может иметь правильного основания. Движимые капиталы торговли и промышленности могли бы подвергаться подобному налогу только в том случае, если бы им подлежали и денежные капиталы землевладельцев» [42].

Примечания:

1. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. // Свод законов Российской империи. Пг., 1915. Ст. 123. С. 34.

2. Лаптева Л.С., Шутов А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М.: Рос. Акад. гос. службы при президенте РФ, 1999. С. 281-282.

3. Составлено по материалам: Журнал очередного Самарского губернского земского собрания сессии 1867 года. Самара, 1868. С. 2-4; Летопись Симбирского земства (приложение). Симбирск, 1877. Вып. I. С. 19-21.

4. Полное собрание законов империи: собрание второе (1825-1881). Т. XXXIX. 1864. №40457. СПб., 1867. С. 4-6.

5. Фёдоров В.А. История России (1861-1917). М.: Высш. шк., 2003. С. 46.

6. Симбирские губернские ведомости. 1868. №121; Симбирские губернские ведомости. 1871. №86; Адрес-календарь лиц, служащих в Симбирской губернии 1875. Симбирск: Губернская типография, 1875. С. 45-48.

7. Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Ф. 137. Оп. 34. Д. 5. Л. 1-5.
8. ГАУО. Ф. 137. Оп. 34. Д. 30. Лл. 14-17.
9. Адрес-календарь лиц, служащих в Симбирской губернии 1875... С. 51-53.
10. ГАУО. Ф. 640. Оп. 1. Д. 20. Л. 44.
11. Громова Т.А. Городской голова Леонид Иванович Афанасьев. Ульяновск, 2003. 159 с.
12. Памятная книжка и адрес-календарь лиц, служащих в Симбирской губернии на 1889 год. Симбирск, 1889. С. 220-221, 246.
13. ГАУО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 36. Лл. 14-15; Ф. 76. Оп. 2. Д. 289. Лл. 103-104; Ф. 76. Оп. 2. Д. 601. Лл. 116-117.
14. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 841. Лл. 73-74; Оп. 2. Д. 842. Л. 81; Д. 878. Лл. 11-12; Д. 879. Л. 68; Д. 888. Л. 227; Д. 889. Л. 314; Д. 890. Л. 144; Журналы Симбирского уездного земского собрания очередной сессии 1889 года. Симбирск: Тип. В.П. Мураховского, 1890. С. 9.
15. Журнал очередного Самарского губернского земского собрания сессии 1867 года. Самара, 1868. С. 2-4.
16. Государственный архив Самарской области (далее ГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 1006. Лл. 1-28.
17. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 2665. Л. 7.
18. Емельянов Н.А. Местное самоуправление: проблемы, поиски, решения. М., 1997. С. 285.
19. ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 451. Л. 3.
20. ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 2 об.
21. ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 243. Л. 6.
22. Государственный архив Саратовской области (далее ГАСарО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 98. Л. 12 об.
23. ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 945. Лл. 62-62 об.
24. ГАУО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
25. Там же. Л. 3 об.
26. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 191. Л. 12-16.
27. Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания 1866-1882. Саратов: Тип. губернского земства, 1884. С. 662-665.
28. Журналы Симбирского губернского земского Собрания очередной сессии 1905 года. Симбирск: Губернская типография, 1906. С. 107.
29. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 194. Л. 13-19
30. ГАУО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 19. Лл. 24-54.
31. Журнал заседания очередного Симбирского уездного земского собрания сессии 1876 года. Симбирск: Тип. Балакирщикова, 1878. С. 67.
32. Подсчитано автором по материалам Вестника Симбирского земства. 1886. №5. С. 16-19.
33. Систематический сборник постановлений Саратовского губернского... С. 381-384.
34. Абрамов, В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Ника, 1996. С. 20.
35. ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 335. Л. 10.
36. ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 431. Л. 13.
37. ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 666. Л. 5.
38. ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 893. Л. 15.
39. ГАСО. Ф. 5. Оп. 22. Д. 86. Л. 86.
40. ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1485. Лл. 1 об.-50.
41. Доклад Буинской земской управы по поводу ходатайств владельцев промышленных заведений об уменьшении обложения земским сбором их заведений // Вестник Симбирского земства. 1888. №1. С. 44-47.
42. О предельности размеров обложения торгово-промышленных предприятий. Саратов, 1870. С. 7.

References:

1. Regulations on Zemstvo provincial and district establishments of 1890 // Code of laws of the Russian empire. Pg., 1915. Article 123. P. 34.
2. Lapteva L.S., Shutov A.Yu. From the history of Zemstvo, municipal and class self-government in Russia. M.: Russian Academy of State Service by the RF President, 1999. P. 281-282.

-
3. Composed from the following materials: Journal of the regular Samara provincial Zemstvo meeting of 1867 session. Samara, 1868. P. 2-4; The annals of the Simbirsk zemstvo (appendix). Simbirsk, 1877. Issue I. P. 19-21.
 4. Complete collection of the empire laws: the second collection (1825-1881). V. XXXIX. 1864. №40457. SPb., 1867. P. 4-6.
 5. Fyodorov V.A. The history of Russia (1861-1917). M.: Vysshaya shkola, 2003. P. 46.
 6. Simbirsk provincial sheets. 1868. №121; Simbirsk provincial sheets. 1871. №86; The address-calendar of people serving in Simbirsk province in 1875. Simbirsk: Provincial printing house, 1875. P. 45-48.
 7. The state archives of the Ulyanovsk region (further GAUO). F. 137. Op. 34. D. 5. L. 1-5.
 8. GAUO. F. 137. Op. 34. D. 30. Ll. 14-17.
 9. The address-calendar of people serving in Simbirsk province in 1875. P. 51-53.
 10. GAUO. F. 640. Op. 1. D. 20. L. 44.
 11. Gromova T.A. Mayor Leonid Ivanovich Afanasjev. Ul'yanovsk, 2003. 159 pp.
 12. The memorable book and the address-calendar of people serving in Simbirsk province for 1889. Simbirsk, 1889. P. 220-221, 246.
 13. GAUO. F. 46. Op. 1. D. 36. Ll. 14-15; F. 76. Op. 2. D. 289. Ll. 103-104; F. 76. Op. 2. D. 601. Ll. 116-117.
 14. GAUO. F. 76. Op. 2. D. 841. Ll. 73-74; Op. 2. D. 842. L. 81; D. 878. Ll. 11-12; D. 879. L. 68; D. 888. L. 227; D. 889. L. 314; D. 890. L. 144; Journals of Simbirsk provincial Zemstvo meeting of the regular session of 1889. Simbirsk: V.P. Murakhovsky printing house, 1890. P. 9.
 15. Journal of the regular Samara provincial Zemstvo meeting of 1867 session. Samara, 1868. P. 2-4.
 16. The state archives of the Samara region (further GASO). F. 5. Op. 9. D. 1006. Ll. 1-28.
 17. RGIA. F. 1287. Op. 27. D. 2665. L. 7.
 18. Emel'yanov N.A. Local self-government: problems, searches, decisions. M., 1997. P. 285.
 19. GAUO. F. 84. Op. 1. D. 451. L. 3.
 20. GAUO. F. 84. Op. 1. D. 458. L. 2 ob.
 21. GAUO. F. 175. Op. 1. D. 243. L. 6.
 22. The state archives of the Saratov region (further GASarO). F. 25. Op. 1. D. 98. L. 12 ob.
 23. GAUO. F. 84. Op. 1. D. 945. Ll. 62-62 ob.
 24. GAUO. F. 176. Op. 1. D. 19. L. 3.
 25. Ibidem. L. 3 ob.
 26. GAUO. F. 76. Op. 2. D. 191. L. 12-16.
 27. The regular collection of decisions of the Saratov provincial Zemstvo meeting of 1866-1882. Saratov: Provincial zemstvo printing house, 1884. P. 662-665.
 28. Journals of the Simbirsk provincial Zemstvo meeting of regular session of 1905. Simbirsk: Provincial printing house, 1906. P. 107.
 29. GAUO. F. 84. Op. 2. D. 194. L. 13-19
 30. GAUO. F. 176. Op. 1. D. 19. Ll. 24-54.
 31. Journal of the regular Simbirsk provincial Zemstvo meeting of Zemstvo session of 1876. Simbirsk: Balakirshchikov printing house, 1878. P. 67.
 32. It is counted up by the author on the materials of the Simbirsk Zemstvo Bulletin. 1886. №5. P. 16-19.
 33. The regular collection of decisions of Saratov provincial ... P. 381-384.
 34. Abramov V.F. The Russian zemstvo: economics, finances and culture. M.: Nika, 1996. p. 20.
 35. GAUO. F. 46. Op. 2. D. 335. L. 10.
 36. GAUO. F. 46. Op. 2. D. 431. L. 13.
 37. GAUO. F. 46. Op. 2. D. 666. L. 5.
 38. GAUO. F. 46. Op. 2. D. 893. L. 15.
 39. GASO. F. 5. Op. 22. D. 86. L. 86.
 40. GAUO. F. 84. Op. 1. D. 1485. Ll. 1. ob.-50.
 41. The report of the Buinsky Zemstvo council concerning the petitions of owners of industrial institutions for taxation reduction by Zemstvo gathering of their institutions // Bulletin of the Simbirsk zemstvo. 1888. №1. P. 44-47.
 42. On the maximum sizes of taxation of the commercial and industrial enterprises. Saratov, 1870. P. 7.